

Д. В. Гладкий

НАУЧНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. К. АРСЕНЬЕВА

Россия и Китай являются мировыми державами, имеющими многовековой опыт взаимодействия. К концу XIX века на российском Дальнем Востоке сложилась китайская диаспора, и китайское население стало заметным участником внутренней жизни российского Приамурья и Приморья. Большой вклад в изучение китайского населения Дальневосточного региона внёс В. К. Арсеньев. В статье представлены результаты изучения научных и научно-популярных трудов, а также его художественных произведений, в которых осмыслены роль и место китайцев в развитии российского Дальнего Востока, в том числе процессы, происходившие на территории региона с участием китайского населения.

Ключевые слова: китайцы, Уссурийский край, исследование, пришлое население, экспедиция, хунхузы, вооружённые банды.

Владимир Клавдиевич Арсеньев по праву считается одним из основателей дальневосточной литературы. В своих художественных произведениях он ярко и самобытно показал богатство природы региона, особенности жизни и быта проживающих на Дальнем Востоке этносов, специфику и своеобразие дальневосточных реалий начала XX века. Внимательный взгляд выдающегося путешественника и учёного отмечал многие стороны жизни Дальнего Востока, которые осмысливались им в научно-исследовательских трудах и художественных произведениях. В настоящей статье будет рассмотрено научное осмысление и художественное изображение российско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке в произведениях В. К. Арсеньева.

Крупные экспедиции на Дальнем Востоке для Арсеньева начались с 1906 года, однако с самого своего появления в регионе (1900 г.) он стал предпринимать небольшие обследования местностей Южного Приморья, где познакомился с особенностями заселения этих территорий представителями различных народностей. В 1906 году по распоряжению приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера была организована экспедиция с целью исследования горной области Сихотэ-Алиня к северу от залива Святой Ольги до бухты Терней и к западу от водораздела в системе истоков реки Усури и

её притоков. Экспедиция носила военно-географические, военно-статистические, а также колонизационные цели, попутно занималась естественно-историческим изучением данной местности.

Известным произведением В. К. Арсеньева является его труд «По Уссурийскому краю». Главы книги соответствуют последовательности его дневниковых записей. Интересен тот факт, что автор часто упоминает топографические названия на китайском языке, отсюда же стали появляться созвучные названия на русском, что подтверждает влияние населения Поднебесной на российские территории.

Как отмечает Арсеньев, первые китайцы появились в Уссурийском крае весьма недавно, лет за тридцать до русских. Это были самовольные засельщики, в большинстве случаев беглые из Маньчжурии. Владимир Клавдиевич пишет, что первыми китайцами, пришедшими в уссурийскую тайгу, были искатели женьшеня. Это растение очень ценится в Поднебесной, особенно корень, обладающий лечебными свойствами.

Исследователь повествует о целых китайских поселениях на территории Дальнего Востока. Так, деревня Нотохоуза появилась благодаря китайским золотопромышленникам, искателям женьшеня, охотникам и звероловам, которые приходили на эти территории в поисках своего промысла. Изучая местность залива Ольги, Владимир Клавдиевич повествует о китайском посёлке Ши-Мынь, который русские называли Кошкой. Раньше этот посёлок был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с реки Уссури доставляли в Ши-Мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. В. К. Арсеньев пишет, что уютные китайские фанзы стояли по всей тайге: «Всё вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия». Он описывает быт и занятия пришлых людей, подробно перечисляя всё, что они выращивали. Исследователь неоднократно упоминал их трудолюбие и ответственный подход ко всякому делу. Любое их взаимодействие начиналось с вопросов, в каком количестве следует отряд и будут ли за ними ещё люди. Вот как автор описывает реакцию на данное явление: «Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин» [7, с. 193]. Радужное отношение у них было не только к людям, но и к лошадям. Щедрость жителей Поднебесной всегда имела место быть, несмотря на скромный образ жизни. Подобные записи подтверждают гостеприимство китайского населения.

Владимир Клавдиевич писал, что китайцев можно легко удивить. Например, они с интересом наблюдали, как исследователь вёл свой путевой дневник, и восторгались его быстрым письмом: «Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст» [7, с. 196]. Дело в том, что письменность имеет особое значение в китайской культуре. Человек, который умеет писать красиво и быстро, — это человек учёный, а значит, имеющий высокий статус и пользующийся уважением.

Рассматривая непосредственное взаимодействие китайского населения с местными, Арсеньев особое внимание уделяет так называемым тазам — коренным жителям Дальнего Востока. Китайцы называли их да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искажённое русскими слово «тазы». Это население, столкнувшись с китайской культурой, не смогло с ней справиться и подпало под её влияние. Немаловажную роль здесь играл спирт и опиум. Указанные выше факторы повлияли на бедственное положение тазов.

Китайцы активно использовали доступ к водным ресурсам Дальнего Востока. В книге «По Уссурийскому краю» Арсеньев описывает, как пришлое население занималось поиском жемчуга. Они целый день проводили в воде, ныряя в поисках ракушек, затем с помощью ножей или камней вскрывали их. Этот промысел весьма прибыльный, но жемчуг попадает крайне редко. Залив Владимира даёт китайцам возможность для развития морской деятельности. Одни занимались добычей моллюсков, которые ценились в Китае, другие ловили крабов, оставляя после очистки кучки панцирей. Объединял китайцев особый промысел — добыча морской капусты. Впечатлила В. К. Арсеньева ситуация, когда китайцы палками пытались выбросить большого осьминога на берег.

Особое внимание стоит уделить добыче рыбы. У китайцев был особый подход к данному промыслу: при помощи камней реку перегораживали от одного берега до другого, а в середине отставлялся небольшой проход; вода просачивалась между камнями, а рыба шла по руслу к отверстию и падала в решето, которое было связано из тальниковых прутьев. Раза два или три в сутки китаец осматривал его и собирал богатую добычу.

Можно сделать вывод, что морской промысел был весьма разнообразным и мог содержать несколько китайских семей.

Настоящий труд В. К. Арсеньева внёс большой вклад в развитие многих направлений науки и стал основой для изучения истории Уссурийского

края. Во время экспедиции ему часто приходилось взаимодействовать с китайским населением, особенно для прокладки дельнейшего пути. Китайцы гостеприимно встречали его и остальных членов экспедиции, но не всегда охотно рассказывали о местности для продолжения маршрута. Тем не менее, в данной книге автор с интересом повествует о пришлоем населении.

В своём произведении «Дерсу Узала» Арсеньев пишет, что китайцы на территории российского Дальнего Востока жили в маленьких фанзах, возделывали землю, мыли золото, промышляли охотой и звероловством. Многие из них заходили на территорию Уссурийского края в поисках пантов или корня женьшеня. Исследователь непосредственно взаимодействовал с ними и даже разговаривал на китайском.

Китайцы чествовали состав экспедиции за дружелюбное отношение. Автор пишет: «Китайцы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях» [3, с. 288]. Арсеньев описывает ситуацию, когда он из-за нехватки продовольствия был вынужден обратиться за помощью к китайским рабочим из фанзы Дун-Тавайза. Автор пишет, что китайцы щедро угостили их и даже не взяли ни деньги, ни предлагаемые подарки. Арсеньев был тронут таким вниманием.

Но, к сожалению, не все китайцы хорошо взаимодействовали с местным населением. Так, с конца 1890-х годов на реке Бикин пришлое население не только подчинили себе удэгейцев, но и устраивали там беспорядки. Вот как описывает данную ситуацию Владимир Клавдиевич: «Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали как скотину, избивали палками... Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам». Ошибочно утверждать, что пришлое население вело правильный образ жизни: «Здесь китайцы в большинстве случаев разные бродяги, прошедшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители легкой наживы, они предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития» [3, с. 450]. Владимир Клавдиевич в данном произведении также упоминает негативное влияние хунхузов.

У исследователя имеется отдельная глава в путевом дневнике «Сведения о народонаселении», которая содержит в себе данные о китайских жителях. Немного позже эти дневниковые записи легли в основу труда Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» [1].

Владимир Клавдиевич пишет, что жизнь китайцев на Дальнем Востоке кардинально отличается от жизни в самом Китае, именно поэтому он решил

опубликовать свой труд. При работе с документами на китайском языке ему помогали капитан П. В. Шкурин и капитан Е. А. Фёдоров, которые окончили Восточный институт. В экспедиции 1906 года при исследовании Сихотэ-Алиня известно, что В. К. Арсеньев на топографических картах обозначал географические названия как по-русски, так и по-китайски.

Из книги мы узнаём, что китайцы переселялись на Дальний Восток волнами: максимальный наплыв пришлого населения в Уссурийский край пришёлся на период с 1895 по 1905 год. Стоит отметить, что автор составлял подробные таблицы, анализируя демографию населения, и описывал каждое изменение. Этот факт подтверждает внимательное отношение В. К. Арсеньева к китайскому населению.

Пришлые люди селились по берегам рек, там, где было меньше русских. Они жили маленькими семьями и обустроивали свой быт. Занимаясь земледелием, лучшие земли они оставляли под засевание хлеба и мака. Последний использовался для сбора опиума, которым активно торговали.

Сравнивая новосёла-русского и новосёла-китайца, автор отмечает, что последний быстрее осваивается и обживается, несмотря на то что не получает никакой помощи от государства. Примечателен и тот факт, что у китайцев, в отличие от русских, более дружелюбные отношения с наёмными работниками. В независимости от количества человек, проживающих на одной территории, среди пришлого населения редко наблюдаются ссоры, данное качество полностью противоположно местным жителям. Арсеньев пишет, что китайцы весьма гостеприимны для путников и любой прохожий может смело рассчитывать на радушный приём на фанзе: «Китайцы сказали, что хозяйева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать 4 кулька муки, 10 кг свиного сала, 16 кг риса, 4 кг бобового масла, 4 кг сахара и плитку кирпичного чая. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять» [3, с. 112]. Несмотря на то что пришлое население жило в таёжных условиях и быт их был весьма скромнен, они всегда были рады гостям, прекрасно понимая, что могут помочь путникам провиантом: «На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы приходили к ним без стеснения» [3, с. 113].

Анализируя жизнь пришлого населения, Владимир Клавдиевич также пишет и о его негативном воздействии на криминогенную обстановку. Автор отмечает, что китайцы часто отбирают оружие и соболей у инородцев.

Местное население (гольды, орочи) они угощают ханшином с примесью опиума, и таким образом последние становятся зависимыми, а китайцы эксплуатируют их.

Женщин из Поднебесной в крае мало, поэтому мужчины часто насильно брали в жёны тазок — представительниц коренного населения Дальнего Востока. Такой брак позволял китайцу закрепиться на земле в Приамурье. Но также автор пишет, что мужчина мог в любой момент бросить фиктивную жену и вернуться к настоящей семье, находящейся в Китае.

Отдельное внимание в своих книгах автор уделяет такому явлению, как хунхузничество, с которым Арсеньеву приходилось сталкиваться непосредственно, организуя и успешно проводя военные экспедиции с целью уничтожения хунхузнических банд или их вытеснения на китайскую территорию. Это были китайские незаконные вооружённые формирования, достигавшие иногда двухсот человек. Хунхузы — члены организованных банд, действовавших в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Кореи и Монголии во 2-й половине XIX – 1-й половине XX века. Хунхузничество, или китайский бандитизм, делился на внутренний и внешний. Проблему борьбы с хунхузничеством осложняло то, что китайцы осуществляли свои преступления с китайской территории, находившейся в труднодоступной уссурийской тайге. К 1911 году проблема китайского разбоя стояла особо остро. Власть Российской империи в лице генерал-губернатора Н. Л. Гондатти поручила разработку плана борьбы с хунхузами хорошо зарекомендовавшему себя штабс-капитану Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву. Секретные экспедиции проходили в период 1911–1913 годов. Их результатом стало выселение на родину огромного количества не имевших разрешения на жительство в России китайцев, абсолютное большинство из которых было браконьерами и бандитами.

Проблема нападения хунхузов касалась как русского населения, так и китайцев и даже корейцев. Владимир Клавдиевич описывал ситуацию, когда корейские фанзы защищались от нападения банды, при этом китайцы относились к поимке хунхузов весьма равнодушно. Они боялись, что вооружённые бандиты могли узнать об их содействии властям. В таком случае их ждала мучительная смерть от мстительных разбойников. Вот что пишет исследователь по этому поводу: «Китайцы убеждены, что русские покровительствуют хунхузам или в лучшем случае терпят их, что хунхузов “наплодили” сами русские и что русские, если бы пожелали, давно освободились

бы от них» [4, с. 473]. Арсеньев также пишет, что борьба с хунхузничеством руками местных жителей не всегда была успешной для последних. Он рассказывает, как крестьяне-охотники с Сучана, получив от китайцев сведения о движении большой шайки хунхузов, собрались вместе в числе 12 человек и отправились за ними в погоню. Хунхузы были настигнуты в истоках реки Улахэ. Охотники, убедившись, что перед ними действительно вооружённые китайцы, напали на них. Произошла перестрелка, и хунхузы были перебиты. История кончилась тем, что местные власти «...крестьян этих таскают по судам, держат под надзором, отрывают от работы и тем дают новое оружие в руки хунхузов» [7, с. 474].

Сам Арсеньев не раз сталкивался с бандами во время экспедиции. В собрании сочинений он описывал, как его проводник Дерсу — опытный в этом деле — отстреливался от хунхузов, тем самым защищая состав экспедиции.

Анализируя пришлое население, исследователь высказывает суждение, касающееся характера и поведения китайцев: «Вообще, китайцы по природе народ крайне жестокий — по виду они чрезвычайно добродушны, но в то же время в характере их есть какая-то затаённая страсть к мучениям» [1, с. 144].

В. К. Арсеньев вёл непрерывную научно-исследовательскую деятельность на Дальнем Востоке России в течение продолжительного времени, охватившего два исторических периода — дореволюционный и советский. Во многом благодаря ему в 1920-е годы удалось сохранить преемственность в научных исследованиях и освоении Дальнего Востока. Подводя итог анализу произведений В. К. Арсеньева, стоит сказать, что китайцы занимают важное место в его трудах. Это пришлое население влияло на формирование образа жизни местных жителей. Взаимодействие двух культур сохранило свою роль и в наши дни. Оценивая роль китайцев в развитии Дальнего Востока, можно сказать, что она имела как положительное, так и негативное влияние. Исследования В. К. Арсеньева прочно связали изучение древнейшего прошлого российского Дальнего Востока и историю коренного населения региона с проблемами мировой истории и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арсеньев, В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края : с 54 рисунками в тексте / В. К. Арсеньев и Е. И. Титов. Китайцы в Уссурийском крае : очерк историческо-этнографический / В. К. Арсеньев ; сост. К. А. Пронякин ; Хабар. краев. отд-ние Рус. геогр. о-ва. — Репр. изд. — Хабаровск : ХКО РГО, 2022. — 298 с. : ил.

2. Арсеньев, В. К. В дебрях Уссурийского края / В. К. Арсеньев ; предисл. авт. ; рис. С. И. Яковлева. — Владивосток : Кн. дело, 1926. — 464 с.
3. Арсеньев, В. К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Свободная Россия, 1923. — 256 с.
4. Арсеньев, В. К. Жизнь и приключения в тайге / В. К. Арсеньев ; сост. и примеч. М. К. Азадовский ; под общ. ред. С. В. Обручева. — Москва : Географгиз, 1957. — 286 с.
5. Арсеньев, В. К. Искатели жень-шеня в Уссурийском крае / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Кн. дело, 1925. — 22 с.
6. Арсеньев, В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. / В. К. Арсеньев. — Хабаровск : тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1912. — 335 с.
7. Арсеньев, В. К. По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь / В. К. Арсеньев ; предисл. авт. и П. Шкуркина. — Владивосток : Тип. «Эхо», 1921. — 280 с.

Научный руководитель: Сливко Станислав Вадимович, кандидат исторических наук, доцент Высшей школы педагогики и истории Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).